

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

INTEGRATION PROCESSES

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-563-575

EDN: LUQGDZ

Научная статья / Research article

Геополитика коннективности: ЕС в Центральной Азии

С.В. Мазаник , **Т.А. Романова**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
 sergeymazanik97@gmail.com

Аннотация. Артикуляция концепций стратегического суверенитета и стратегической автономии в официальном дискурсе Европейского союза (ЕС) свидетельствует о его геополитическом повороте. В этом контексте цель исследования — прояснить, как ЕС политически переопределяет пространство Центральной Азии в рамках стратегии по связыванию Европы и Азии, или стратегии коннективности (connectivity). Теоретическую основу исследования составляет критическая геополитика, позволяющая с опорой на дискурс-анализ как метод выявить изменения, происходящие в пространственной репрезентации Центральной Азии в дискурсе ЕС, а также динамику значения данного региона в стратегии коннективности. Вначале критическая геополитика будет операционализована с акцентом на такие аналитические категории, как дискурс, гегемония, идентичность и онтологическая безопасность. Затем, опираясь на давно существующие в академической литературе о европейской интеграции представления о ЕС как о геополитическом акторе, выявляется, как под воздействием современной дискуссии о стратегическом суверенитете (автономии) ЕС использует логику включения и исключения в отношениях с третьими странами. Далее будет изложено содержание европейской концепции коннективности и охарактеризована трансформация роли Центральной Азии в стратегии коннективности ЕС. Установлено, что в официальном дискурсе ЕС коннективность, для которой характерны нормативность и уклон в секьюритизацию, является инструментом достижения стрессоустойчивости Евросоюза и его партнеров в Центральной Азии, средством их защиты от попыток третьих стран использовать взаимозависимость как политическое и экономическое оружие, способом сохранения так называемого «порядка, основанного на правилах», — ресурса нормативного влияния ЕС в мире, и достижения стратегической автономии, модель которой ЕС готов экспортировать. Включение Центральной Азии в концепцию коннективности ЕС и исключение из нее иных акторов, продвигающих в данном регионе собственные модели управления и коннективности, может превратить Центральную Азию в одно из наиболее важных пространств нормативного противостояния ЕС и сторонников альтернативного миропорядка.

Ключевые слова: геополитический поворот, критическая геополитика, стрессоустойчивость, стратегический суверенитет, стратегическая автономия, порядок, основанный на правилах

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. С.В. Мазаник — подготовка рукописи и ее редактирование, Т.А. Романова — руководство исследованием.

© Мазаник С.В., Романова Т.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>

Для цитирования: Мазаник С. В., Романова Т. А. Геополитика коннективности: ЕС в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 563–575. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-563-575>

Geopolitics of Connectivity: The EU in Central Asia

Sergey V. Mazanik , Tatiana A. Romanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

sergeymazanik97@gmail.com

Abstract. The articulation of the concepts of strategic sovereignty and strategic autonomy in the official discourse of the European Union (EU) is indicative of its geopolitical turn. In this context, the purpose of this article is to clarify how the EU politically redefines the Central Asian space as part of its connectivity strategy (EU Strategy for Connecting Europe and Asia). The theoretical framework of the study is based on critical geopolitics, which, through a discourse analysis approach, makes it possible to identify the changes that EU representatives make in the spatial representation of Central Asia and the dynamics of the significance of this region in the EU's connectivity strategy. First, critical geopolitics will be operationalized with an emphasis on analytical categories such as discourse, hegemony, identity and ontological security. Thereafter, drawing upon the long-standing academic tradition of considering the EU as a geopolitical actor, the paper clarifies how, under the sway of the ongoing debate on strategic sovereignty (autonomy), the EU deploys the logic of inclusion and exclusion in its relations with third countries. Subsequently, the European connectivity concept will be outlined and the transformation of Central Asia's role within the framework of the EU's connectivity strategy will be revealed. The study found that, in the EU's official discourse, connectivity, which is characterized by both normativity and securitization, is a tool for achieving resilience for the EU and its partners in Central Asia, a means of protecting them from third countries' attempts to politically and economically weaponize interdependence, a way of preserving the so-called rules-based order as a resource of the EU's global normative influence, and a way of achieving strategic autonomy that the EU is willing to export as a model. The inclusion of Central Asia in the concept of EU connectivity and the exclusion of other actors promoting their own models of governance and connectivity in this region can turn Central Asia into one of the most important areas of normative confrontation between the EU and the proponents of an alternative world order.

Key words: geopolitical turn, critical geopolitics, resilience, strategic sovereignty, strategic autonomy, rules-based order

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. S.V. Mazanik — writing, review and editing, T.A. Romanova — supervision.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

For citation: Mazanik, S. V., & Romanova, T. A. (2024). Geopolitics of connectivity: The EU in Central Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 563–575. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-563-575>

Введение

В последние годы представители Европейского союза (ЕС) стали рассматривать различные внешнеполитические факторы, такие, как, например, политическая нестабильность в соседствующих с ЕС регионах и вызванный ею миграционный кризис, нарушение цепочек поставок критически важных

материалов, использование третьими странами взаимозависимости как оружия, в качестве угроз европейской интеграции. Лидеры ЕС в качестве ответа предложили сделать Евросоюз полноценным геополитическим актором¹.

¹ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the Occasion of the Presentation of Her College of Commissioners and Their

В официальном дискурсе ЕС это привело к так называемому геополитическому повороту, то есть к появлению концепций стратегического суверенитета и стратегической автономии. Их достижение, по замыслу, должно позволить ЕС сохранить лидирующие позиции в стремительно меняющемся мире. Однако ученые давно считают ЕС геополитическим актором, то есть агентом, занимающимся пространственным формированием международной политики, поскольку по мере расширения и установления так называемого внешнего управления Евросоюз переосмыслил географическое пространство вокруг себя, формируя иерархию соседствующих с ним стран исходя из их соответствия нормам и принципам ЕС, известным как *acquis communautaire* (Lavenex & Schimmelfennig, 2009).

Сочетание нормативности и геополитики характерно для политики ЕС и в отношении пяти государств Центральной Азии: Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана (Fawn, 2022). После долгих лет периферийности для Брюсселя (Hoffmann, 2010; Dzhuraev, 2022) Центральная Азия стала пространством, ключевым для реализации стратегии по обеспечению связанности (коннективности, *connectivity*) Европы и Азии². Стратегия коннективности хорошо изучена³, однако существующие

работы уделяют мало внимания ее нормативности (Karjalainen, 2023), определяемой в официальном дискурсе ЕС через такие неолиберальные категории, как «устойчивое развитие» и «порядок, основанный на правилах». Кроме того, непроработанным остается вопрос о потенциальном влиянии коннективности на взаимодействие ЕС с государствами Центральной Азии, а также о соотношении коннективности и нынешней геополитической риторики Брюсселя.

Таким образом, цель данной статьи состоит в установлении особенностей реализации политики коннективности ЕС в отношении государств Центральной Азии в рамках его геополитического поворота. Иными словами, работа прояснит, как ЕС политически переопределяет пространство Центральной Азии под влиянием концепции «стратегического суверенитета» («стратегической автономии»).

Теоретически исследование опирается на критическую геополитику, что методологически предполагает проведение дискурс-анализа выступлений должностных лиц и официальных документов ЕС. Это позволяет выявить основные смыслы, вкладываемые политическими элитами ЕС в концепцию коннективности, и проследить трансформацию роли Центральной Азии во внешних действиях ЕС и самого Евросоюза как геополитического актора.

Изложив сначала ключевые положения критической геополитики и особенности ЕС в этой оптике, мы проясним генезис европейской концепции коннективности и ее связь с геополитическим поворотом ЕС. После этого мы определим, как под воздействием дискуссии о коннективности и стратегическом суверенитете трансформируется роль Центральной Азии во внешних действиях ЕС на современном этапе.

Критическая геополитика: ключевые положения

Критическая геополитика опирается на конструктивистские предпосылки о социальной реальности и определяется как «дискурсивная практика, при помощи которой

Programme // European Commission. November 27, 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (accessed: 02.05.2023).

² Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy” // European Commission. September 19, 2018. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed: 01.04.2023).

³ Novotná T. The European Union and Korea Between the US and China: Geopolitical Aspects of Connectivity from the Soft to Hard Power Approaches // *Ordnungspolitische Diskurse*. 2021. No. 11. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/235510/1/1761310089.pdf> (accessed: 15.05.2023). См. также: (Gaens, Sinkkonen & Vogt, 2023).

интеллектуалы государственного управления „пространственно формируют“ (*spatialize*) международную политику с целью репрезентации „мира“ через особые типы мест, народов и драм» (Tuathail & Agnew, 1992, p. 190). Задача критической геополитики сводится к выявлению «пространственного формирования международной политики ключевыми державами» (Tuathail & Agnew, 1992, p. 192), которые таким образом фиксируют свои гегемонистские позиции. Гегемония при этом трактуется как особый культурно-политический комплекс практик и репрезентаций (Agnew & Corbridge, 1995, p. 17), формирующих «субъективные, этноцентричные, эссенциалистские и имплицитно авторитарные геополитические нарративы» (Olson & Sayer, 2009, p. 180). В создании этих нарративов роль агентов играют как государственные деятели, так и интеллектуалы, рассуждающие о геополитике, вследствие чего выделяются практический и формальный типы геополитики (Tuathail, 1999). Данная статья посвящена практической геополитике ЕС.

Дискурс как место формирования геополитических нарративов и концепций предполагает фокус на дискурс-анализе. Однако критическая геополитика различает *пространственные практики* и *репрезентации пространства*. Первые представляют собой «преддискурсивную материальность», то есть «физические потоки, взаимодействия и движения в пространстве», а вторые сводятся к «концепциям, практикам присвоения названий и географическим кодам, которые артикулируются для обсуждения и понимания пространственных практик» (Tuathail, 1998, p. 18). Таким образом, дискурс-анализ позволяет учесть диалектическую взаимосвязь между дискурсом и пространственными практиками, которые в нем осмысляются и меняются под его влиянием (Agnew & Corbridge, 1995, p. 46).

Артикуляция географических допущений позволяет актору «нормализовать» пространство вокруг (Tuathail, 1996, p. 46), то есть описать его в понятных для себя и своей аудитории категориях. По этой причине геополитика часто характеризуется как практика

производства границ, разделяющих географическое пространство по принципу «мы — они» (Moisio, 2015). Этот процесс формирует и поддерживает идентичность актора (Dalby & Tuathail, 1996, p. 452), а также его онтологическую безопасность (Whittaker, 2018): регулярное повторение геополитических тропов о себе и других позволяет рассматривать такие пространственные репрезентации как часть здравого смысла, что создает ощущение стабильности и предсказуемости (Dodds, 1993).

Согласно критической геополитике, любая пространственная конфигурация должна рассматриваться как «географически и исторически специфическая форма политической организации и мысли» (Elden, 2010, p. 757), поэтому дискурс-анализ учитывает включенность агентов, артикулирующих определенные геополитические воззрения, в местные, национальные и транснациональные сообщества интерпретации (Tuathail, 1996, pp. 60–61). Помещение пространственных репрезентаций актора в социальный и исторический контекст вскрывает обусловленность этих концепций содержанием более широкой дискуссии об образах действия и путях дальнейшего развития данного актора. Соответственно, такое исследование объясняет, как определенные концепции (в нашем случае — стратегический суверенитет) преобразуют другие геополитические концепции (коннективность), из которых состоят политические дискурсы (Moisio, 2002, pp. 94–95).

ЕС как геополитический актор

Гегемония, идентичность и онтологическая безопасность, выступая основными аналитическими категориями критической геополитики, давно обсуждаются в академической дискуссии о соотношении нормативного и материального в политике Евросоюза. После расширения ЕС на Восток и появления новых репрезентаций пространства (например, «кольцо друзей», «соседи соседей») ученые стали говорить о ЕС как о системе концентрических кругов внешнего управления, расходящихся от Брюсселя (Smith, 2005).

Эта система опиралась на региональную нормативную гегемонию ЕС, способного структурировать пространство исходя из степени своего нормативного влияния на партнеров (Haukkala, 2008). Признав ЕС геополитическим актором, ученые приписывали ему неолиберальное геополитическое мышление, поскольку ЕС стремился преобразовать Европейский регион в единое политическое пространство ради установления мира и безопасности (Grygiel, 2015).

После принятия Глобальной стратегии безопасности ЕС (ГСЕС) в 2016 г.⁴, провозгласившей стрессоустойчивость (*resilience*) основой внешних действий Союза, исследователи заговорили об уменьшении амбиций Брюсселя по нормативному влиянию на третьи страны (Тосси, 2020). Однако стрессоустойчивость определяется Брюсселем как имманентная черта исключительно либеральных демократий, напрямую связанная с безопасностью. Данная концепция устанавливает непреодолимую дистанцию между нормативным центром — ЕС — и реципиентами норм, что позволяет Брюсселю ранжировать третьи государства исходя из степени их европейскости и стрессоустойчивости. Так воспроизводится система неравноправных отношений (Концепция стрессоустойчивости Европейского союза ... 2019, с. 66–79).

Логике включения и исключения подчинена и дискуссия о стратегическом суверенитете (стратегической автономии) ЕС. Истоки и генеалогия этих двух синонимичных концепций в официальной риторике Брюсселя уже тщательно изучены (Романова, Мазаник, 2022). Для целей данной статьи отметим лишь две особенности.

Во-первых, дискуссия о стратегическом суверенитете активизировалась на фоне пандемии коронавируса 2020–2021 гг. и вызванного ею нарушения глобальных цепочек поставок. Отсюда фокус в первую очередь на

торговой и промышленной политике. С одной стороны, ЕС стремится минимизировать свою зависимость от поставок из стран, признанных не только «неблагонадежными»⁵, но и стремящимися к «системному изменению международного порядка»⁶ (например, Китая). Сам ЕС заинтересован в сохранении порядка, основанного на правилах, который на протяжении многих лет рассматривается в качестве ресурса и «жизненного интереса, поддерживающего внешние действия» ЕС⁷. Поэтому в контексте стратегической автономии (суверенитета) ЕС фокусируется не только на собственных производственных мощностях, но и на стигматизации противников либерального порядка. С другой стороны, стратегическая автономия предполагает открытость миру, и здесь ключевую роль играет способность ЕС «формировать глобальные высококачественные стандарты, несущие на себе отпечаток европейских ценностей и принципов»⁸.

Во-вторых, если стрессоустойчивость присуща как ЕС, так и потенциально иным странам, для которых ЕС остается нормативным лидером, то стратегический суверенитет

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A Secure and Sustainable Supply of Critical Raw Materials in Support of the Twin Transition” // EUR-Lex. March 16, 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023DC0165> (accessed: 15.05.2023).

⁶ Speech by President von der Leyen on EU — China Relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission. March 30, 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (accessed: 15.04.2023).

⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 13. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A New Industrial Strategy for Europe” // EUR-Lex. March 10, 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102> (accessed: 15.04.2023).

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 13. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

(стратегическая автономия) — это особенность исключительно Евросоюза (Романова, Коцур, 2022). Условно реалистическое наполнение геополитической риторики ЕС — призывы научиться языку силы, чтобы не прятаться от вторжения «остального мира... джунглей» за стеной «европейского сада»⁹, — усиливает иерархичность геополитического воображения европейских элит. Как и ранее, «речевая геополитика „секьюритизации“ идет рука об руку с речевой геополитикой сотрудничества» (Voedeltje & van Houtum, 2011, p. 143). Таким образом, артикуляция геополитической риторики позволяет ЕС адаптироваться к новым шокам и тем самым обрести новое равновесное состояние онтологической безопасности (Browning, 2018). Это неизбежно накладывает отпечаток и на стратегию коннективности.

Эволюция концепции коннективности в официальном дискурсе ЕС

Согласно заявлению министров иностранных дел форума «Азия — Европа» (*Asia — Europe Meeting*), в самом общем виде коннективность охватывает «жесткие и мягкие аспекты, включая физические и институциональные социокультурные связи», и позволяет «сгладить различающиеся уровни развития и возможностей»¹⁰. Однако в разных политических дискурсах коннективность осмысливается и инструментализируется по-разному. В стратегии коннективности 2018 г. ЕС противопоставил собственное видение коннективности китайской инициативе «Пояс и путь». Посредством последней Китай — системный противник, продвигающий альтернативные модели управления¹¹, — навязывает

⁹ European Diplomatic Academy: Opening Remarks by High Representative Josep Borrell at the Inauguration of the Pilot Programme // European External Action Service. October 13, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (accessed: 01.05.2023).

¹⁰ Annex I. ASEM Connectivity // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2017/11/Annex-I.pdf> (accessed: 02.05.2023).

¹¹ Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council “EU — China —

миру китаецентричную метагеографию и ограничивает территориальный охват порядка, основанного на правилах (Godehardt & Kohlenberg, 2020). Брюссель пытается защитить ключевой ресурс своего влияния в мире — порядок, основанный на правилах, — от «других», которые «разрабатывают собственные стратегии [коннективности]»¹². В результате «устойчивая, всеобъемлющая и международная коннективность, основанная на правилах»¹³, секьюритизируется.

Рассмотрим подробнее нормативную составляющую коннективности. В целях достижения стратегической автономии Брюссель обязуется «инвестировать в региональные порядки и сотрудничество между регионами и внутри них»¹⁴. Здесь ЕС позиционирует себя как «сверхдержаву коннективности во внутренней и внешней политике»¹⁵, то есть как нормативного лидера, намеренного не только развивать энергетическую, транспортную, цифровую инфраструктуру и межличностные контакты, но и распространять свой опыт региональной коннективности

A Strategic Outlook” // March 12, 2019. P. 1. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 01.04.2023).

¹² Explaining the European Union’s Approach to Connecting Europe and Asia // European Commission. September 19, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_18_5804 (accessed: 30.04.2023).

¹³ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy” // European Commission. September 19, 2018. P. 13. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed: 01.04.2023).

¹⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 4. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

¹⁵ Borrell J. The EU Needs a Strategic Approach for the Indo-Pacific // European External Action Service. March 12, 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-needs-strategic-approach-indo-pacific_en (accessed: 20.04.2023).

и сотрудничества на азиатские страны¹⁶. Этот подход фигурирует и в стратегии ЕС в отношении КНР¹⁷. Нормативная линия усиливается в стратегии ЕС «Глобальный портал» (*Global Gateway*) как «образце того, как Европа может выстраивать более стрессоустойчивые связи с миром»¹⁸. Согласно этой стратегии, все проекты коннективности, спонсируемые ЕС, должны соответствовать демократическим ценностям и стандартам добропорядочного управления¹⁹. Признавая тщетность попыток изолироваться от все более связанного мира, ЕС намеревается управлять взаимозависимостью «для обеспечения безопасности и процветания [своих] граждан и защиты [своих] демократий»²⁰. Следовательно, нормативная экспансия и вовлечение как можно большего числа стран в проекты, опирающиеся на сформулированные Брюсселем принципы коннективности, является залогом безопасности ЕС.

¹⁶ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy” // European Commission. September 19, 2018. P. 6, 8. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed: 01.04.2023).

¹⁷ Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council “EU — China — A Strategic Outlook” // March 12, 2019. P. 1. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 01.04.2023).

¹⁸ Global Gateway: Up to €300 Billion for the European Union’s Strategy to Boost Sustainable Links Around the World // European Commission. December 1, 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6433 (accessed: 24.04.2023).

¹⁹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “The Global Gateway” // European Commission. December 1, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed: 24.04.2023).

²⁰ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 8. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

Акцент на безопасности Евросоюза и защите либерального миропорядка закономерно приводит к секьюритизации концепции коннективности. Об этом свидетельствуют тезисы о взаимодополняющем характере безопасности и коннективности²¹, о том, что «устойчивая и всеобъемлющая коннективность, основанная на правилах, способствует большему процветанию, безопасности и стрессоустойчивости людей и обществ в Европе и Азии»²². Так, в стратегии сотрудничества с Индо-Тихоокеанским регионом ЕС обязуется «поощрять международный порядок, основанный на правилах», что «увеличит стратегическую автономию и потенциал [ЕС] сотрудничать с партнерами для отстаивания своих ценностей и интересов», а также «будет способствовать стрессоустойчивости европейской экономики... и снижению стратегической зависимости от критически важных ресурсов»²³. Кроме того, с целью защиты «европейского суверенитета» и обеспечения «более стрессоустойчивой, конкурентоспособной и подходящей для зеленого и цифрового переходов европейской экономической базы» государства — члены ЕС обязуются «продвигать [европейские] стандарты, доступ к рынку, стабильные цепочки поставок и коннективность»²⁴. В итоге безопасность становится одним из шести критериев «надежной коннективности»²⁵.

²¹ Enhanced EU Security Cooperation in and with Asia — Council Conclusions // Council of the European Union. May 28, 2018. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/35456/st09265-re01-en18.pdf> (accessed: 15.05.2023).

²² Factsheet on the EU Strategy on Connecting Europe and Asia // European External Action Service. September 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu-asian_connectivity_factsheet_september_2019.pdf_final.pdf (accessed: 18.04.2023).

²³ EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific — Council Conclusions // Council of the European Union. April 16, 2021. P. 2–3. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7914-2021-INIT/en/pdf> (accessed: 20.04.2023).

²⁴ Informal Meeting of the Heads of State or Government. Versailles Declaration // European Council. March 11, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (accessed: 02.05.2023).

²⁵ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social

С точки зрения Брюсселя, риски экономического принуждения и использования третьими странами взаимозависимости как оружия подрывают сложившийся порядок, основанный на правилах. По этой причине в контексте риторики о защите этого порядка Брюссель дополняет концепцию коннективности категорией «партнеров, мыслящих схожим с ЕС образом» (англ. *like-minded partners*; ПМСО). Они, с одной стороны, должны разделять демократические ценности ЕС²⁶ и «защищать универсальные принципы и правила»²⁷ (то есть порядок, основанный на правилах) «перед лицом пагубного влияния авторитарных и тоталитарных режимов»²⁸, а с другой — обеспечить безопасные поставки стратегически важных природных ресурсов и товаров в ЕС, что позволит Брюсселю «удовлетворить свои геополитические амбиции в глобальном масштабе»²⁹.

Сочетание нормативности и секьюритизации обеспечивают гибкость Брюсселя в идентификации ПМСО: ЕС заключил

Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “The Global Gateway” // European Commission. December 1, 2021. P. 1–4. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed: 24.04.2023).

²⁶ European Parliament Resolution of 25 November 2020 on the Foreign Policy Consequences of the COVID-19 Outbreak (2020/2111(INI)) // EUR-Lex. November 25, 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020IP0322> (accessed: 25.04.2023).

²⁷ Joint Communication to the European Parliament and the Council on Strengthening the EU’s Contribution to Rules-Based Multilateralism // European Commission. February 17, 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/en_strategy_on_strengthening_the_eus_contribution_to_rules-based_multilateralism.pdf (accessed: 15.05.2023).

²⁸ European Parliament Resolution of 6 July 2022 on the EU and the Defence of Multilateralism (2020/2114(INI)) // EUR-Lex. July 6, 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022IP0286> (accessed: 24.04.2023).

²⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Trade Policy Review — An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy” // EUR-Lex. February 18, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2021:66:FIN> (accessed: 02.05.2023).

соглашения о коннективности не только с демократическими Японией и Индией, но и с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — международной организацией, в которую не входят либеральные демократии³⁰. Таким же образом ЕС заключил стратегические партнерства в сфере критических материалов с такими различающимся с точки зрения теории политических режимов государствами, как Канада, Украина, Намибия и Казахстан.

Итак, нормативно нагруженная коннективность стала рассматриваться Брюсселем в качестве:

1) инструмента обеспечения собственных стрессоустойчивости, стратегического суверенитета и стратегической автономии;

2) условия безопасности ЕС от широкого спектра угроз, в частности от использования третьими странами взаимозависимости как оружия;

3) способа сохранения международного порядка, основанного на правилах.

Отсюда и амбивалентность концепции коннективности ЕС. С одной стороны, Брюссель стирает препятствия для политического и экономического взаимодействия между ЕС и ПМСО, стремится создать единое связанное глобальное нормативное пространство. С другой стороны, Брюссель конструирует границы и отказывает в праве на коннективность с ЕС тем странам, которые не желают принимать европейские стандарты и подрывают порядок, основанный на правилах. Рассмотрим, как это отразилось на политике ЕС в отношении стран Центральной Азии.

Политика коннективности ЕС в ЦА

На фоне безуспешных попыток социализации центральноазиатских государств в либерально-демократический порядок ЕС

³⁰ Rieck C. Strange New Worlds: The European Union’s Search for Like-Minded Partners in the Indo-Pacific // *Panorama: Insights into Asian and European Affairs*. 2022. No. 1. P. 39–53. URL: <https://www.kas.de/documents/288143/16920728/Panorama+European+Strategic+Approaches+to+the+Indo-Pacific.pdf/e7b7d256-61ecd864-191a-7cd63342cee4?version=1.0&t=1645002783217> (accessed: 02.05.2023).

постепенно стал оперировать более нейтральными принципами. Обеспечение безопасности и добропорядочного управления легитимировало сотрудничество Брюсселя с нелиберальными режимами (Makaryshev, 2020). Этот подход был сохранен в стратегии по Центральной Азии 2019 г. и дополнен задачей обеспечения процветания региона, которая сводится к развитию коннективности как внутри Центральной Азии (то есть поддержке внутрирегиональных интеграционных процессов), так и между Центральной Азией и ЕС³¹. Однако уменьшение значения ценностной компоненты не означает отказа от нормативности вообще.

Во-первых, коннективность в официальном дискурсе ЕС остается нормативно нагруженной концепцией. Так, активность отношений с ЕС обуславливается «готовностью каждого из государств Центральной Азии проводить реформы, укреплять демократию, права человека, верховенство права и независимость судебной власти», а также развивать свободную рыночную экономику³².

Во-вторых, в отношении Центральной Азии Брюссель повторяет тезис об «устойчивой, открытой, инклюзивной и основанной на правилах» коннективности, обязуясь поддерживать только соответствующие им проекты³³. Такие же нормативные требования ЕС выдвигает и в отношении прилегающих стратегических коридоров и их сопряжения

с собственными транспортными сетями³⁴, а саму норму о коннективности включает в тексты проектов новых договоров о сотрудничестве с государствами Центральной Азии³⁵.

Впрочем, фокус на угрозах легко совмещается со сложившимся в ЕС подходом по продвижению политически более нейтральных вопросов стабильности и безопасности в Центральной Азии. Отсюда развитие коннективности, предполагающей расширение регионального сотрудничества и поддержку стабильности центральноазиатских государств, утверждается как условие безопасности ЕС³⁶, а «более сильная коннективность между Центральной Азией, Афганистаном и Южной Азией»³⁷ видится как гарант безопасности для этих стран.

Связь коннективности и безопасности прослеживается и в стратегии по Центральной Азии 2019 г., предполагающей развитие коннективности в таких сферах, как транспорт, энергетика, цифровые технологии и межличностные контакты, и при этом для каждой из этих сфер описывающей угрозы, которые Брюссель надеется минимизировать

³⁴ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “The Global Gateway” // European Commission. December 1, 2021. P. 6. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed: 24.04.2023).

³⁵ Annex to the Proposal for a Council Decision on the Conclusion, on Behalf of the European Union, of the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement Between the European Union, of the One Part, and the Kyrgyz Republic, of the Other Part // European Commission. June 13, 2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:80e18e18-eaf7-11ec-a534-01aa75ed71a1.0022.02/DOC_2&format=PDF (accessed: 15.05.2023).

³⁶ Report from the Commission to the European Parliament and the Council “2021 Annual Report on the Implementation of the European Union’s External Action Instruments in 2020” // European Commission. December 16, 2021. P. 34–35. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:09b53227-5e5a-11ec-9c6c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 15.05.2023).

³⁷ Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia // Council of the European Union. June 17, 2019. P. 3. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed 29.04.2023).

³¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. P. 1–2. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

³² Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia // Council of the European Union. June 17, 2019. P. 2. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed 29.04.2023).

³³ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. P. 11. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

при помощи коннективности³⁸. Поскольку стратегия коннективности ЕС — это ответ Брюсселя на китайские инициативы коннективности, неудивительно, что инфраструктурные проекты Китайской Народной Республики (КНР) в Центральной Азии Брюссель считает непрозрачными и несущими угрозы для стран региона³⁹. При этом декларативно ЕС готов сотрудничать с внерегиональными партнерами, поскольку позиционирует Центральную Азию как «регион сотрудничества, основанного на правилах, а не регион конкуренции и соперничества»⁴⁰.

В контексте же геополитического поворота секьюритизация коннективности становится более явной. Брюссель признает «коннективность в Индо-Тихоокеанском регионе и стабильность в Центральной Азии» в качестве своих «геополитических приоритетов»⁴¹ и утверждает, что «в текущем геополитическом контексте... коннективность стала областью стратегического значения»⁴². Именно поэтому ЕС установил отношения стратегического партнерства с Казахстаном как

значимым поставщиком углеводородов и иных природных ресурсов⁴³, что делает Казахстан единственным ПМСО для ЕС в Центральной Азии.

Кроме того, запуск двух инициатив — Устойчивой энергетической коннективности и Цифровой коннективности в Центральной Азии — обосновывается как стремление Евросоюза и центральноазиатских государств противостоять «интенсивному геополитическому состязанию, новым угрозам безопасности и вызовам международному порядку, основанному на правилах»⁴⁴. Поэтому, признавая, что «Центральная Азия и Европа... становятся все более связанными»⁴⁵, верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель утверждает, что и ЕС, и Центральная Азия сталкиваются со сходными вызовами и угрозами в отношении многостороннего порядка⁴⁶. В качестве рецепта противодействия опасностям предлагается «сотрудничать больше и лучше», а также «защищать верховенство

³⁸ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

³⁹ European Parliament Resolution of 21 January 2021 on Connectivity and EU — Asia Relations (2020/2115(INI)) // EUR-Lex. January 21, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021IP0016> (accessed: 15.05.2023).

⁴⁰ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. P. 2. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

⁴¹ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council “2021 Strategic Foresight Report: The EU’s Capacity and Freedom to Act” // European Commission. September 8, 2021. P. 18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0750> (accessed: 15.05.2023).

⁴² EU — Kazakhstan Cooperation Council // Council of the European Union. June 20, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-ministerial-meetings/2022/06/20/> (accessed: 02.05.2023).

⁴³ Memorandum of Understanding Between the Republic of Kazakhstan and the European Union on a Strategic Partnership on the Sustainable Raw Materials, Batteries and Renewable Hydrogen Value Chains // European Commission. November 7, 2022. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2022-11/EU-KAZ-MoU-signed_en.pdf (accessed: 15.05.2023).

⁴⁴ Global Gateway: Team Europe Launches Two Initiatives in Central Asia on Energy and on Digital Connectivity // European Parliament. February 18, 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/plmrep/COMMITTEES/DEVE/DV/2022/11-30/TeamEuropeinitiativesinCentralAsiaonenergyandondigitalconnectivityEN.pdf (accessed: 15.05.2023).

⁴⁵ Remarks by President Charles Michel After His Meeting with President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev in Astana // European Council. October 27, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/10/27/remarks-by-president-charles-michel-after-his-meeting-with-president-of-kazakhstan-kassym-jomart-tokayev-in-astana/> (accessed: 29.04.2023).

⁴⁶ EU — Central Asia Ministerial: Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the Joint Press Conference with Foreign Minister of Uzbekistan Vladimir Norov // European External Action Service. November 17, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-central-asia-ministerial-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-joint_en (accessed: 04.05.2023).

международного права, поскольку оно является гарантом нашей [ЕС и Центральной Азии] общей безопасности»⁴⁷.

Любопытно, что эксперты из Центральной Азии тоже говорят о пересечении взглядов ЕС и центральноазиатских стран по вопросам безопасности и угроз. Так, непрозрачность китайской инициативы «Пояс и путь», по словам Н. Кассеновой, «создает некоторую ментальную и психологическую коннективность между ЕС и Центральной Азией даже без наличия физической инфраструктуры между ними»⁴⁸. Однако если Евросоюз реализует политику коннективности, чтобы расширить лагерь сторонников порядка, основанного на правилах, и таким образом увеличить собственное влияние в мире, то государства Центральной Азии видят в коннективности ЕС скорее возможность бороться с чрезмерной экономической и политической зависимостью от КНР⁴⁹, а также перенимать глобально признанные торговые, инвестиционные, технологические и управленческие стандарты ЕС для более тесного встраивания в мировую экономику и увеличения благосостояния граждан⁵⁰.

⁴⁷ Opening Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EU — Central Asia Connectivity Conference: Global Gateway // European External Action Service. November 18, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/opening-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-central-asia-connectivity_en (accessed: 02.05.2023).

⁴⁸ Kassenova N. Central Asia and the EU Connectivity Strategy: Rising to the Good Governance Challenge // PONARS Eurasia Policy Memo. 2019. No. 617. URL: <https://www.ponarseurasia.org/central-asia-and-the-eu-connectivity-strategy-rising-to-the-good-governance-challenge/> (accessed: 14.10.2023).

⁴⁹ См.: Dzhuraev E., Muratalieva N. The EU Strategy on Central Asia // The Friedrich Ebert Foundation. March 2020. P. 6. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16168.pdf> (accessed 14.10.2023); Kassenova N. The EU Strategy for Central Asia: Imperatives and Opportunities for Change. A View from Kazakhstan // Friedrich-Ebert-Stiftung. 2016. URL: https://www.academia.edu/15611528/The_EU_Strategy_for_Central_Asia_Imperatives_and_Opportunities_for_Change._A_View_from_Kazakhstan (accessed: 14.10.2023).

⁵⁰ Komilov A. Digitalization: How the EU Can Transform Central Asia // The Diplomat. August 23, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/08/digitalization-how-the-eu-can-transform-central-asia/> (accessed: 10.10.2023).

Тем не менее, артикулируя сходство внешнеполитических целей ЕС и Центральной Азии, Брюссель в контексте геополитического поворота секьюритизирует коннективность при помощи трансляции собственных соображений безопасности. Согласно им, существуют акторы (в частности Китай), которые, используя взаимозависимость как инструмент силы, подрывают порядок, основанный на правилах. Неготовность этих акторов признать нормативное лидерство ЕС в определении параметров коннективности автоматически исключает их из спонсируемых ЕС инфраструктурных проектов. Реализация такой политики коннективности, сочетающей включение одних акторов и исключение других, обеспечивает стратегическую автономию ЕС. Однако официальные лица ЕС начинают признавать и за странами Центральной Азии право обладать стратегической автономией⁵¹ как образом действия для борьбы с вызовами современности⁵².

Таким образом, сохраняя характерные для концепции коннективности нормативность и уход в секьюритизацию, ЕС допускает возможность экспорта собственной модели стратегической автономии в страны Центральной Азии. Это говорит о том, что в контексте концепции коннективности и геополитического поворота ЕС продолжает считать Центральную Азию частью собственного нормативного пространства.

Заключение

Как показал анализ, в контексте нынешнего геополитического поворота ЕС продолжает рассматривать пространство центральноазиатских государств как часть собственной

⁵¹ Matveeva A. A New Opening for EU — Central Asia Relations? // Carnegie Europe. April 13, 2023. URL: <https://carnegieeurope.eu/2023/04/13/new-opening-for-eu-central-asia-relations-pub-89454> (accessed: 02.05.2023).

⁵² Opening Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EU — Central Asia Connectivity Conference: Global Gateway // European External Action Service. November 18, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/opening-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-central-asia-connectivity_en (accessed: 02.05.2023).

системы нормативной гегемонии. Поддержанию этой системы служит артикуляция концепции коннективности. С момента своего появления в официальном дискурсе ЕС эта концепция отличалась нормативностью по причине того, что Брюссель определял критерии коннективности через такие неолиберальные конструкты, как «устойчивость» и «порядок, основанный на правилах». Однако череда кризисных явлений последних лет подтолкнула руководство Евросоюза к артикуляции реалистической геополитической риторики, которая предполагала защиту европейского суверенитета и достижение Евросоюзом стратегической автономии. Этот дискурсивный сдвиг трансформировал концепцию коннективности Евросоюза, которая теперь позиционируется в качестве:

1) инструмента защиты от попыток третьих стран использовать взаимозависимость как политическое и экономическое оружие;

2) способа сохранения порядка, основанного на правилах, и достижения стратегической автономии ЕС.

Противопоставление ЕС и сторонников его подхода «неблагонадежным» странам, стремящимся к системному изменению международного порядка, дополнительно секьюритизирует концепцию коннективности. Несмотря на ее изначальный фокус на инклюзивности и стирании границ, она

в действительности очерчивает границы сторонников либерального миропорядка, основанного на правилах, и ограждает их от стран-нарушителей.

ЕС стремится привлечь государства Центральной Азии в лагерь сторонников «правильной» европейской коннективности. Не в последнюю очередь это происходит потому, что КНР как системный противник ЕС осуществляет свои модели управления и коннективности в этом регионе. Зависимость государств Центральной Азии от Пекина дает Брюсселю повод продвигать в данном регионе собственную модель достижения стратегической автономии и перебалансировки зависимости от третьих стран. Реализация Брюсселем политики коннективности, уменьшающей пространство для компромисса и воспроизводящей более четкие границы между сторонниками порядка, основанного на правилах, и его конструируемыми противниками, может превратить Центральную Азию в одно из наиболее важных пространств нормативного противостояния. Контуры этого противостояния и проистекающие из него возможности/ограничения для государств Центральной Азии, а также предполагаемые изменения центральноазиатской политики ЕС в контексте обостряющейся нормативной конкуренции в регионе представляют собой предмет дальнейших исследований.

Поступила в редакцию / Received: 07.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 12.07.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / под ред. Т. А. Романовой. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. EDN: MSJNVT
- Романова Т. А., Коцур Г. В. От политической либерализации к геополитическому повороту (эволюция дискурса Евросоюза и связь нормативного и материального) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 8. С. 25–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-25-33>; EDN: IJCKIP
- Романова Т. А., Мазаник С. В. Влияние координационного дискурса о «стратегическом суверенитете» Евросоюза на его институциональный баланс // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. Т. 15, № 5. С. 79–112. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112>; EDN: OOIZHD
- Agnew J., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. London : Routledge, 1995.
- Boedeltje F., van Houtum H. Brussels Is Speaking: The Adverse Speech Geo-Politics of the European Union Towards Its Neighbours // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16, no. 1. P. 130–145. <https://doi.org/10.1080/14650045.2010.493791>
- Browning C. S. Geostrategies, Geopolitics and Ontological Security in the Eastern Neighbourhood: The European Union and the ‘New Cold War’ // *Political Geography*. 2018. Vol. 62. P. 106–115. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.10.009>

- Dalby S., Tuathail G. Ó.* The Critical Geopolitics Constellation: Problematizing Fusions of Geographical Knowledge and Power // *Political geography*. 1996. Vol. 15, no. 6–7. P. 451–456. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(96\)00026-1](https://doi.org/10.1016/0962-6298(96)00026-1)
- Dodds K. J.* Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy // *Area*. 1993. Vol. 25, no. 1. P. 70–74.
- Dzhuraev S.* The EU's Central Asia Policy: No Chance for Change? // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41, no. 4. P. 639–653. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2054951>
- Elden S.* Thinking Territory Historically // *Geopolitics*. 2010. Vol. 15, no. 4. P. 757–761. <https://doi.org/10.1080/14650041003717517>
- Fawn R.* 'Not Here for Geopolitical Interests or Games': The EU's 2019 Strategy and the Regional and Inter-Regional Competition for Central Asia // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41, no. 4. P. 675–698. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1951662>
- Gaens B., Sinkkonen V., Vogt H.* Connectivity and Order: An Analytical Framework // *East Asia*. 2023. Vol. 40. P. 209–228. <https://doi.org/10.1007/s12140-023-09401-z>
- Godehardt N., Kohlenberg P. J.* China's Global Connectivity Politics: A Meta-Geography in the Making // *The Multidimensionality of Regions in World Politics* / ed. by P. J. Kohlenberg, N. Godehardt. London : Routledge, 2020. P. 191–214.
- Grygiel J.* The Geopolitics of Europe: Europe's Illusions and Delusions // *Orbis*. 2015. Vol. 59, no. 4. P. 505–517. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2015.08.002>
- Haukkala H.* The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy // *Europe — Asia Studies*. 2008. Vol. 60, no. 9. P. 1601–1622. <https://doi.org/10.1080/09668130802362342>
- Hoffmann K.* The EU in Central Asia: Successful Good Governance Promotion? // *Third World Quarterly*. 2010. Vol. 31, no. 1. P. 87–103. <https://doi.org/10.1080/01436590903557397>
- Karjalainen T.* European Norms Trap? EU Connectivity Policies and the Case of the Global Gateway // *East Asia*. 2023. Vol. 40. P. 293–316. <https://doi.org/10.1007/s12140-023-09403-x>
- Lavenex S., Schimmelfennig F.* EU Rules beyond EU Borders: Theorizing External Governance in European Politics // *Journal of European Public Policy*. 2009. Vol. 16, no. 6. P. 791–812. <https://doi.org/10.1080/13501760903087696>
- Makarychev A.* Illiberalism, Post-liberalism, Geopolitics: The EU in Central Asia // *Acta Via Serica*. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.22679/avs.2020.5.1.001>
- Moisio S.* EU Eligibility, Central Europe, and the Invention of Applicant State Narrative // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7, no. 3. P. 89–116. <https://doi.org/10.1080/714000971>
- Moisio S.* Geopolitics/Critical Geopolitics // *The Wiley Blackwell Companion to Political Geography* / ed. by J. Agnew, V. Mamadouh, A. J. Secor, J. Sharp. Chichester : John Wiley & Sons Ltd., 2015. P. 220–234. <https://doi.org/10.1002/9781118725771.ch17>
- Olson E., Sayer A.* Radical Geography and Its Critical Standpoints: Embracing the Normative // *Antipode*. 2009. Vol. 41, no. 1. P. 180–198. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2008.00661.x>
- Smith K. E.* The Outsiders: The European Neighbourhood Policy // *International Affairs*. 2005. Vol. 81, no. 4. P. 757–773. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2005.00483.x>
- Tocci N.* Resilience and the Role of the European Union in the World // *Contemporary Security Policy*. 2020. Vol. 41, no. 2. P. 176–194. <https://doi.org/10.1080/13523260.2019.1640342>
- Tuathail G. Ó.* *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996.
- Tuathail G. Ó.* Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // *Rethinking Geopolitics* / ed. by S. Dalby, G. Ó. Tuathail. London : Routledge, 1998. P. 16–38.
- Tuathail G. Ó.* Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // *Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22, no. 2–3. P. 107–124. <https://doi.org/10.1080/01402399908437756>
- Tuathail G. Ó., Agnew J.* Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy // *Political Geography*. 1992. Vol. 11, no. 2. P. 190–204. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(92\)90048-X](https://doi.org/10.1016/0962-6298(92)90048-X)
- Whittaker N.* The Island Race: Ontological Security and Critical Geopolitics in British Parliamentary Discourse // *Geopolitics*. 2018. Vol. 23, no. 4. P. 954–985. <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1390743>

Сведения об авторах:

Мазаник Сергей Владимирович — аспирант кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 2097-5678; ORCID: 0000-0003-1150-0193; e-mail: sergeymazanik97@gmail.com

Романова Татьяна Алексеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 8791-1970; ORCID: 0000-0002-5199-0003; e-mail: t.romanova@spbu.ru